

ТРАВМЫ ЧЕРНОБЫЛЯ. ПОМНЯ О ТРАГЕДИИ, НУЖНО НЕ ЗАБЫВАТЬ И О ТОМ, ЧТО ОНА СДЕЛАЛА НАС БОЛЕЕ МУДРЫМИ И СИЛЬНЫМИ.

Сергей Мирный

Светлана Алексиевич, проинтервьюировавшая несколько сотен чернобыльцев, в своей документальной книге «Чернобыльская молитва» пишет: «Не раз я слышала от своих собеседников одинаковые признания: «таких слов не подберу, чтобы передать то, что видела и пережила», «ни в одной книжке об этом не читал и в кино не видел», «никто раньше мне ничего подобного не рассказывал». Все впервые обозначается, произносится вслух. Случилось нечто, для чего мы еще не имеем ни системы представлений, ни аналогов, ни опыта, к чему не приспособлено ни наше зрение, ни наше ухо, даже наш словарь не годится». Между тем неизвестная нам информация о личном опыте чернобыльцев ослабляет или рвет их связи с обществом, отчуждает иногда даже от своего ближайшего окружения.

С клеймом чернобыльца

Сформированный за десятилетия негативный миф вокруг Чернобыля плотно окутывает людей, работавших в самые напряженные дни в зоне ликвидации последствий аварии. Эта (дез)информация способствует закреплению и усугублению у многих чернобыльцев психотравмы как, напрямую замыкая их в своем несчастье, так и опосредствованно – через их социальную стигматизацию и виктимизацию. Стигматизация (в дословном переводе – «клеймение», «выжигание клейма на теле») – это наделение человека или группы негативным признаком, наносящим социальный и психологический ущерб. Таким клеймом для ликвидаторов является доминирующее в обществе мнение, что все они тяжело и

неизлечимо больны, травмированы физически и психически. Из-за страха перед радиацией часто сторонятся и самих чернобыльцев. Кроме того, окружающие, как правило, не знают о влиянии травмирующего опыта на психику. Поэтому они осуждают травмированного, его беспомощность и пассивность, депрессии и озлобленность. Это способствует закреплению травмы. Неудивительно, что у ликвидаторов и эвакуированных жителей загрязненных районов по сравнению со среднестатистическими гражданами межличностные проблемы на работе и в семьях возникают в 5–7 раз чаще.

Виктимизация (безапелляционное превращение в жертв) чернобыльцев происходит уже на уровне официального обозначения этой группы как лиц, «пострадавших вследствие Чернобыльской катастрофы». Мысль, что человек побывал в Чернобыле и не пострадал (не говоря уж о том, что последствия этого жизненного опыта могли быть для него позитивными), не допускается. Вот типичный пример виктимизации – цитата из статьи народного депутата, посвященная очередной годовщине Чернобыля и подвигу ликвидаторов: «Нельзя не сказать добрых слов в адрес наших воинов. И не их вина, а их беда, что многие из них позже так и не стали отцами, их жены – матерями, их любимые – женами». Положение женщин в этом отношении не лучше. Мать парня при знакомстве удивленно задает вопрос его невесте, эвакуированной из Чернобыльской зоны: «Милочка, неужели вы можете родить?» (пример из книги С. Алексеевич). Необоснованные, но доминирующие в обществе мнения такого рода создают предпосылки для многообразных негативных эффектов.

Чернобыль был использован СМИ для нарушения целого ряда культурных запретов. Чернобыльские ликвидаторы – фактически единственная в стране группа людей, которой регулярно напоминают о малоприятном факте их смертности. Причем сами цифры берутся, как правило, из ненадежных источников, и никогда не сравниваются со средними показателями смертности по стране в соответствующих возрастных группах (без чего они неинформативны). Реальные же показатели смертности среди

ликвидаторов, например, России такие же, как у мужского населения страны в целом.

Потрясающий пример нарушения табу на публичную демонстрацию тяжелых телесных дефектов – 40-минутная документальная лента «Chernobyl Heart» («Чернобыльское сердце»), получившая премию «Оскар» в 2005 году. Около двадцати минут в фильме показываются ужасающие уродства детей в специальном учреждении в Белоруссии. И хотя при этом вскользь замечается, что «такие патологии нередко встречаются и на Западе, но там сразу же делают операцию, и ребенок растет нормальным» (то есть причина на самом деле социально-экономическая), все показанное приписывается последствиям чернобыльской радиации. Стоит ли говорить, как может повлиять этот беспросветный фильм на женщин, собирающихся стать матерями?

Циркулирующая (дез)информация влияет и на такие общественные сферы, как медицинское обслуживание и система социального обеспечения. В советский период объективные сведения о состоянии здоровья скрывались даже от самих чернобыльцев, и кризис доверия к официальной медицине способствовал ухудшению здоровья многих людей. В дальнейшем же факты о реальных последствиях аварии принялись если не исказить, то специфически трактовать заинтересованные в финансировании своей деятельности организации и научные институты. Жертвой этого мифа стало и медицинское сообщество. Сейчас для рядового врача информация о том, что его пациент – чернобылец, оказывается настолько значимой, что часто заслоняет собой все другие сведения о состоянии его организма. Поэтому медицинское вмешательство может ухудшить (и часто ухудшает) здоровье ликвидаторов.

Следует обратить внимание и на экономический аспект проблемы. Законы, принятые в первые годы после аварии, предоставили чернобыльцам значительные льготы и компенсации, особенно в случаях, когда инвалидность связывалась с фактом облучения. Система «компенсация – за болезнь» привела к тому, что успешное лечение и снятие или пересмотр группы инвалидности

приводили к резкому ухудшению социальной защищенности ветерана Чернобыля. Это одна из ключевых причин неэффективности лечения чернобыльцев: вместо того чтобы бороться за кардинальное изменение ситуации, и медики, и их пациенты-чернобыльцы часто предпочитают скрывать информацию о реальном положении дел, так как это может повредить их материальным интересам. В итоге чернобыльские раны не заживают, а, скорее, наоборот, углубляются и культивируются...

Быть победителями

Психотравму объясняют патологической формой памяти, когда не происходит адаптации психики к пережитому, естественного «выцветания», стирания впечатлений о моменте травмы. Яркость, чувственность психотравмирующих воспоминаний личности – показатель того, что опыт того или иного события человеком до конца не пережит, не понят, не переварен. Вот мнение авторитетного специалиста Бесселя ван дер Колка, профессора психиатрии Гарвардской медицинской школы, экс-президента Международного общества исследований травматического стресса: «Одна из загадок психики состоит в том, что до тех пор, пока травма переживается в форме не выразимого словами ужаса, организм продолжает реагировать на этот привычный стимул как на возвращение к травме. Когда же спусковой механизм травматического переживания идентифицирован и индивидуум обретает способность выразить словами пережитое – оно, похоже, теряет часть своей власти. Таким образом, задача лечения сводится к созданию, с одной стороны, у индивида способности к осмысленной жизни в данный период и, с другой – символических представлений о прошлом травматическом опыте с целью укрощения ужаса, ассоциирующегося с этим опытом, и нормализации воспоминаний». Другими словами, необходимо полноценное осмысление психотравмирующего события и самим человеком, и обществом.

Для этого следует восстановить доверие к информации о Чернобыле и реальных эффектах радиации. Важную роль в этом могут сыграть те, кто успешно сумел справиться с

«чернобыльским синдромом», как, например, офицер Г. Бондаренко, чей опыт, надеюсь, должен убедить читателей в том, что к этой трагедии надо относиться без фатализма. Вот что он рассказал: «В июне 1987 года я почти три месяца с утра до вечера находился на 3-м энергоблоке. Через месяц начал сильно уставать, как будто целый день жарился на солнце. Я доложил командиру, но он ответил, что мы выполняем правительственную задачу и «находимся на переднем крае борьбы с империализмом», и только через два месяца меня отпустили домой. И тут начались неприятности. Стала часто болеть голова, сердце. Давление подскочило – 190/110. Начались мучения по различным госпиталям, где методика лечения была одна: глотай таблетки, лежи тихо, не шевелись. Это продолжалось два года. Я пожелтел, осунулся. Периодически терял сознание. Все думали, что долго не протяну. И вот на счастье мне сослуживец дал книгу одного рязанского врача, который лечил гипертоников с помощью бега трусцой. Я воспрянул духом, начал потихоньку ходить, бегать и контролировать свое давление. Через полгода тренировок я спрятал в дальний ящик прибор для измерения давления. Сейчас участвую в соревнованиях по бегу среди ветеранов и показываю довольно неплохие результаты. Чувствую себя прекрасно. И советую друзьям-чернобыльцам по возможности перенять мой опыт».

Символическая переработка травмирующего события (по своей сути – культурная операция) – еще один необходимый элемент преодоления психотравмы. Ликвидация последствий Чернобыля невозможна без переосмысления социальной функции места аварии – Чернобыльской зоны. В своем теперешнем виде закрытого, отчужденного и, по сути, мистического пространства – это мемориал беды, неудачи, поражения. Было бы целесообразно изменить угрожающий имидж зоны, преобразовав ее в культурный и природный национальный парк. Сегодня, повторюсь, Чернобыль однозначно воспринимается как поражение, а участники ликвидации – как потерпевшие это поражение. Фиксация общественного мнения на том, что было трагически утрачено в этом месте, мешает осознать то, что было благодаря Чернобылю

обретено. И эти позитивные последствия надо, наконец, назвать вслух. Например, внятно сказать о том, что Чернобыль положил конец безудержному и безответственному распространению «мирной и абсолютно безопасной» ядерной энергетики; что он привел к росту экологического и социального сознания; что он указал на системный кризис СССР и ускорил его дезинтеграцию, предохранив нас, возможно, от куда более трагичных и масштабных последствий. При внимательном и комплексном анализе становится очевидно, что самые опасные последствия аварии в физической (технической и природной) среде не допущены или ликвидированы.

Нельзя забывать и о том, что в течение первых дней удалось предотвратить тепловой взрыв внутри реактора (из-за выделения большого количества энергии в расплавленной и неконтролируемой радиоактивной массе ядерного топлива). Этот взрыв мог бы невообразимо увеличить масштабы катастрофы. День, когда благодаря отчаянному, героическому мужеству людей и простому везению опасность этого нового взрыва окончательно миновала, точно известен – 6 мая 1986 года. Именно этот по-настоящему судьбоносный день (который, кстати, совпал с днем святого Георгия Победоносца) было бы логично праздновать как чернобыльскую Победу. Ведь, к примеру, и День Победы в Великой Отечественной войне – это тоже «праздник со слезами на глазах». Цена победы в войне была колоссальной, однако вряд ли кому-то придет в голову считать главной памятной датой 22 июня – день вторжения гитлеровских войск на советскую территорию. Почему же о Чернобыле мы до сих пор вспоминаем именно 26 апреля?

Столичные новости

<http://cn.com.ua/N603/society/focus/1.html>